

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8

EDN: VURDTA

К 90-ЛЕТИЮ Я.И. ГИЛИНСКОГО

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» поздравляют доктора юридических наук, профессора Якова Ильича Гилинского с 90-летием и желают ему здоровья и бодрости. Я.И. Гилинский известен отечественным и зарубежным исследователям в качестве криминолога и социолога, одного из основателей изучения в нашей стране различных форм девиантного поведения как социального феномена. Он — автор и соавтор более 30 монографий, ряда учебников, статей, всего свыше 700 научных работ, изданных в России и во многих странах мира. Я.И. Гилинский — участник представительных международных форумов, на которых он выступал с пленарными докладами, руководил секциями и «круглыми столами».

В связи с юбилеем Я.И. Гилинского журнал публикует интервью с ним члена редколлегии, профессора Б.З. Докторова. Интервью подготовлено за несколько месяцев до юбилея, отмеченного Я.И. Гилинским 16 июня.

Я.И. ГИЛИНСКИЙ¹, Б.З. ДОКТОРОВ²

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ.
191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

² Независимый исследователь.
Фостер Сити, Калифорния, США.

НА ПОРОГЕ 90-ЛЕТИЯ. НЕВОСТОРЖЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ЯКОВ ГИЛИНСКИЙ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ БОРИСА ДОКТОРОВА

Аннотация. Формально это — юбилейное интервью с Яковом Ильичом Гилинским, известным российским социологом и криминологом, многие годы жизни посвятившим изучению многообразных форм девиантного поведения. Реально же это моя беседа с коллегой и другом на подступах к значимой дате в его жизни — 90-летию. Поскольку это далеко не первое наше обсуждение прожитого и сделанного им, поскольку он сам десять лет назад рассказал о себе в книге «Я в Мире, Мир во мне» и с учетом того, что множество интервью с ним размещено на платформе YouTube, мне показалось оправданным освободиться от стремления пройти по всем этапам жизненного пути Я.И. Гилинского и просить его поговорить о событиях последних 20 лет на фоне более отдаленного прошлого. Благодаря такому ключу беседы читатель знакомится с непростыми судьбами его предков, с его движением в науку и важнейшими научными достижениями, с его счастливыми и в высшей степени продуктивными перестроечными годами. Читатель узнает об активном общении Я.И. Гилинского с авторитетнейшими криминологами мира и об участии в крупнейших научных форумах, о его путешествиях и деловых поездках с женой — верным помощником — во многие европейские страны и государства других континентов. Вместе с тем характер динамики важнейших макрополитических процессов в мире и стране, негативные тренды в развитии общественных наук в России, тяжелые переживания в личной жизни — все это сделало нашу беседу невесторженной. Однако жизнь Якова Гилинского сложилась успешно, сделанное им будет долго востребовано.

Ключевые слова: социология; криминология; девиантология; девиантное поведение; преступность; криминология постмодерна.

Для цитирования: *Гилинский Я.И.* На пороге 90-летия. Невосторженные воспоминания. Яков Гилинский отвечает на вопросы Бориса Доктора / Интервью подготовил *Б.З. Докторов* // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 163–182. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8 EDN: VURDTA

Борис Докторов (БД): В статье «Биографии для истории», написанной в конце 2006 г. по итогам двух лет изучения истории нашей социологии [8], мной отмечено, что в нашей беседе с Б.М. Фирсовым о становлении общественного мнения в СССР «были затронуты многие важные темы, и я почувствовал необходимость провести интервью со специалистами, работающими в разных областях социологии. Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. По-моему, в тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ,

начинавшийся словами: “Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною”»¹.

Работа продвигалась стремительными темпами, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [12]. Так что прежде всего я благодарю тебя за то давнее (древнее) согласие рассказать о себе. Я понимаю, наша беседа на долгие годы затянула меня в процесс интервьюирования российских социологов, но я ни минуты не сожалею об этом. С тех пор у нас было еще одно интервью, все прошедшие годы мы не прерывали нашу переписку. Но вот появился повод еще раз поговорить с тобой о прожитом, сделанном: ты приближаешься к 90-летию.

Пожалуйста, вспомни, где ты работал в 2005 г., что было в центре твоего исследовательского внимания, какими были твои планы на ближайшие годы?

Яков Гилинский (ЯГ): С 2005 г. прошла вечность... Если в 2005 г. я еще мог (с оглядкой) говорить и писать все, что думаю и знаю, то ныне это далеко не так... Но попробуем.

В 2005 г. я продолжал работать завсектором социологии девиантности и социального контроля в Социологическом институте РАН (СИ РАН), созданном Б.М. Фирсовым. Забегая вперед: и работал там до 2009 г. Одновременно я работал, как всегда, в двух-трех юридических вузах... Так вот в 2005 г. я был завкафедрой уголовного права в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (РГПУ) и профессором кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии (ныне — Университета) Генеральной прокуратуры РФ.

Напомню: я же прежде всего «уголовник» и лишь затем — социолог-девиантолог.

До 2005 г. в СИ РАН мы проводили сверхширокомасштабные эмпирические международные исследования (все страны Балтийского региона, страны всех континентов — от Южной Кореи до Чили). Результаты были опубликованы в 4-х томах в Хельсинки (на английском языке) и в ряде статей. Потом это становилось все сложнее, и наше эмпирическое исследование пыток в пяти регионах России в 2005–2006 гг. было последним из масштабных. По результатам этого исследования была опубликована монография «Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан» (2007) [5], а также проведены пресс-конференции в Москве и Санкт-Петербурге. Первый канал телевидения предоставил мне три минуты для изложения результатов. Я изложил. Боюсь, что сегодня мне никто в это не поверит... А ведь было, было!

Я много писал и публиковался по проблемам криминологии и девиантологии. Как в России, так и за рубежом (у меня на сегодняшний день более 700 научных публикаций, в том числе 149 на английском,

¹ Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.

венгерском, итальянском, немецком, норвежском, украинском, французском, японском языках). Графоман-с!

Кроме того, я активно участвовал в многочисленных международных криминологических и социологических конференциях и конгрессах. Ежегодно выступал на конференциях Европейского общества криминологов — ESC, Балийских криминологических конференциях, а также на международных и социологических конгрессах (обычно раз в три-четыре года), не считая многочисленных «разовых» выступлений.

Поэтому именно в 2005 г. у меня были «обычные» планы писать, выступать, по мере возможности — исследовать. Что касается содержания исследований (и, соответственно, публикаций), то это отслеживание российской и мировой динамики преступности и ее отдельных видов, детальное изучение организованной преступности, проблем наркопотребления, терроризма и др.

В 2005 г. были опубликованы 13 моих научных работ (конечно, не помнил бы! Но благодаря требованиям вузов ежегодно отчитываться о публикациях и докладах, все это у меня в таблице на 99 страницах), в том числе четыре — на английском языке. В 2006 г. — 16 научных публикаций, в том числе пять — на английском языке (в Стокгольме, Тюбингене, Риге и большая статья — 2 п. л. — в Европейском журнале криминологии).

БД: *Яша, отмечу, за спокойными, невзрачными словами «Забегая вперед — и работал там до 2009 г.» скрывается довольно драматическая для ленинградской/петербургской социологии история. Она дала толчок четырехтомнику А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии. События в СИ РАН — 2008/2009 и не только)». Не мог бы ты вспомнить те уже далекие события и дать им свою интерпретацию?*

ЯГ: На четырехтомник явно не потяну... Да и многое забылось... Расскажу, раз уж ты просишь, про себя и то немногое, что помню про других. Несколько освежить память помогли мои старые мемуары «Я в Мире, Мир во мне» (2014) [7].

После ухода Б.М. Фирсова в созданный им Европейский университет в Санкт-Петербурге (я принимал некоторое участие в его создании, а в СИ РАНе с уходом Б.М. ушел и с поста заместителя директора института, коим был многие годы) начался листопад директоров Социологического института. Умышленно не буду называть их фамилии. Были и вполне директора, были и не очень.

В июне 2009 г. (к моему 75-летнему юбилею!) меня зовут в отдел кадров и просят расписаться в приказе о моем увольнении в связи с непродлением срока договора. Я расписался и ушел. К тому времени я, как уже говорил, работал в Юридическом институте Генеральной прокуратуры и в РГПУ, и уход из СИ РАН не был для меня трагичным. Жаль было только оставить сектор, много лет мною возглавляемый, его сотрудников, наши эмпирические исследования. Удивило немного и то, что я, проработав 20 лет (с 1989 г.) завсектором, замдиректора

института, дважды представляемый институтом в члены-корреспонденты РАН (заведомо бессмысленно, я это прекрасно понимал, если член-коррами не были В.А. Ядов, И.С. Кон, то кто же меня выберет!), не был приглашен директором института, которая не поблагодарила меня за работу, не объяснила, с чем связано непродление договора...

Впрочем, к этому времени уже были уволены ряд наиболее творческих, наиболее независимых сотрудников института (доктор социологических наук профессор В.А. Бачинин, трудоголик А.Н. Алексеев, кандидат наук, замечательный ученый Н.Р. Корнев). Я был не первым и не последним... Правда, после моего увольнения начался небольшой скандал. Ряд возмущенных сотрудников написали руководству РАН о творящемся в институте беспределе. Об увольнении лучших. Более того, поскольку в связи с моим юбилеем ко мне обращались за интервью журналисты СМИ, гневные публикации появились в Полит.ру. В результате директор дважды предлагала восстановить меня на работе. Я, конечно, отказался. Через два-три года был полностью ликвидирован и сектор социологии девиантности и социального контроля. С тех пор фактически прекратились эмпирические исследования различных видов девиантности.

(Интересно, что сегодня девиантология как социологическая наука о различных девиантных проявлениях — преступности, самоубийстве, наркопотреблении, проституции и др. — переместилась в систему МВД РФ. Много лет проходили ежегодные девиантологические конференции с публикацией материалов в Краснодарском университете МВД РФ, активно работал в этом направлении Казанский институт МВД, второй год проводит конференции по девиантологии Санкт-Петербургский университет МВД, издающий «Российский девиантологический журнал». Несколько месяцев назад — 29 сентября 2023 г. — я выступил у них на конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» с докладом «Некоторые проблемы социального контроля над девиантными проявлениями».)

Мне трудно давать интерпретацию тех событий. Я, честно говоря, не очень в них вникал. Десять лет назад я написал в мемуарах: «После ухода [Б.М. Фирсова]... от директора института к директору обстановка менялась к худшему. Началась групповщина, борьба за место к “телу” (точнее, к “уху”), карьеристы рвались к “власти”. Я старался оставаться “над схваткой”... Мне кажется, что из института удаляются все, кто относительно независим, самостоятелен, имеет свою точку зрения... Конечно, избавившись от нас, администрация будет легко и спокойно заправлять оставшимся “молчаливым большинством”».

Сегодня я понимаю, что «причины» могли лежать намного глубже. Шел постепенный, но ускоряющийся откат от «прекрасных (с моей точки зрения) девяностых», от Свободы к несвободе. А проявления этого отката могли быть многолики...

БД: Ты знаешь, с грустью констатирую близость высказанного тобой сейчас и моего суждения по поводу решения Ученого совета Социологического института РАН о несоответствии А. Алексеева должности ведущего на-

учного сотрудника. Спасибо Алексееву, он, по сути, начал названный выше четырехтомник «Профессия — социолог» с моего письма (июнь 2008 г.) членам Ученого совета. Опущу сказанное относительно значимости научной работы Алексеева и приведу лишь заключительное предложение письма: «Мне не известны критерии, на основании которых было вынесено рассматриваемое решение, и я не готов обсуждать ни причины его появления, ни его возможные последствия для А.Н. Алексеева. Но в этом решении аттестационной комиссии я вижу истоки возникновения процесса, подрывающего высокую научную и этическую репутацию СИ РАН, на который историей возложена ответственность за сохранение и развитие традиций ленинградской/петербургской социологической школы». Годы, прошедшие после ухода из СИ РАН А.Н. Алексеева, В.А. Бачинина и тебя, показывают, что институт потерял значительно больше, чем вы. Каждый из вас продолжил активную научную деятельность, опубликовал большое число книг и статей, тогда как СИ РАН явно начал сдавать как академическое социологическое подразделение. Неужели руководство СИ РАН и более высокие академические структуры не понимали последствия этого ничем не обоснованного решения?

ЯГ: А зачем что-либо понимать? Надо держаться за свои высокие должности, надо потакать вышестоящим, надо быть поощряемым свыше... И главное — надо застраховаться от любых нежелательных последствий научной, творческой «активности». Поэтому лучше — никакой активности!

Дорогой Боря, если бы ты мог воочию увидеть, до чего сегодня докатилась российская «наука», российские «научные учреждения»! Я говорю прежде всего о гуманитарных, с коими лучше знаком. Но сильно подозреваю, что аналогичное происходит и с естественными науками и их учреждениями. В СССР и в первые годы РФ крупнейшим юридическим научным учреждением был Институт государства и права АН СССР / РАН. Я много лет хорошо знал его руководителя — академика, вице-президента Академии наук СССР / РАН В.Н. Кудрявцева. (Да и докторскую диссертацию я защищал в их Диссертационном совете.) В «страшные советские годы» В.Н. Кудрявцеву удалось организовать в Москве (в 1980 и 1983 гг.) международные криминологические конференции с участием крупнейших ученых Европы. Сегодня это одно из наиболее реакционных учреждений... Вот маленький пример. В книге 2019 г. (!) нынешний директор Института государства и права, член-корреспондент РАН с соавтором, академиком РАН, пишут о Я.И. Гилинском: «...антисоветская тональность его оценок и выводов, антироссийские философские предпочтения и политические симпатии... Среди зарубежных специалистов он пользуется большим признанием, чем среди отечественных». Зато «И.В. Сталин укреплял институт семьи как ячейки общества» (расстреливая отцов и ссылая матерей)... Как хорошо, что я уже не работаю в штате, а лишь «дорабатываю» по трудовому договору. Меня нельзя выгнать с работы.

А Московский госуниверситет... А Санкт-Петербургский госуниверситет... Из них изгнаны лучшие ученые, профессора. А судьба «Шанинки»... А преследования Европейского университета в Санкт-Петербурге... Я не говорю уже о провинциальных вузах и НИИ.

Впрочем, все это давно известно! Ведь настоящее творчество, если оно настоящее, — тоже «девиантное поведение»! Я много пишу об этом. Об этом наша коллективная монография «Творчество как позитивная девиантность» (2015) [11]. Поэтому был приговорен к смертной казни Сократ. Поэтому были сожжены Джордано Бруно, Ян Гус и Мигель Сервет. Поэтому в заключении находился Галилео Галилей и ему грозила смертная казнь, если он не откажется от своих научных (!) взглядов. Поэтому бежали или уничтожены немецкие ученые и писатели эпохи гитлеризма. Поэтому в сталинских концлагерях погибли сотни ученых, писателей, поэтов.

БД: *Забавно... я сейчас перечитываю наше первое интервью, 2005 г. Тогда ты писал: «У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков “Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)”». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» Получается, что ты уже многие десятилетия (с юности) так или иначе рассматриваешь творчество как разновидность позитивной девиантности. Мой вопрос: а какие есть основания не соглашаться с таким утверждением?*

ЯГ: Конечно, когда я в школьно-студенческие годы читал «Архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», я еще не думал ни о какой девиантности — ни о позитивной, ни о негативной... Девиантность пришла мне в голову (и там укоренилась) в 1960-е гг., и в 1971 г. появились две мои первые статьи об отклоняющемся поведении.

Что касается несогласия с понятием позитивной девиантности, позитивно девиантного поведения, то здесь много неясного.

Во-первых, эта тема практически не обсуждается в отечественной литературе. Не обсуждаются практически и все мои рассуждения о криминологии постмодерна. Молодежь интересуется, ходит на мои, даже необязательные, лекции. Но они еще не могут активно, публично обсуждать. Ну, разве что молодые сибирские коллеги устроили обсуждения online, в основном задавая мне вопросы. И то это касается криминологии постмодерна, но отнюдь не позитивной девиантности. О нашей коллективной монографии «Творчество как позитивная девиантность» я вообще не слышал и не читал ни слова. Непривычно все это для умудренных коллег.

Во-вторых, предполагаемые возражения вполне возможны, типа — как же так? Как можно сравнивать преступность, проституцию, самоубийства с научным, художественным, техническим творчеством? Вот это повод для начала дискуссии. Но ее нет...

В-третьих, вообще тема девиантности относительно немодная. Да, есть конференции двух университетов МВД РФ. (Когда-то были

ежегодные конференции под руководством профессора Б.М. Левина, давно покинувшего РФ. В них принимали участие профессор А. Габиани — Грузия, профессор А. Лепс — Эстония, и др.) Да, был сектор в Социологическом институте РАН и есть сектор в Институте социологии ФНИСЦ РАН (Москва). Но одного уже нет, другой работает потихонечку. Да, есть два журнала! Ранее упомянутый «Российский девиантологический журнал» и «Вопросы девиантологии», созданный и мужественно поддерживаемый одним энтузиастом — профессором Ю.А. Клейбергом (Тверь). Но по сравнению с журналами по другим социальным проблемам это — капля в море. Только для кучки интересантов. К их числу нельзя не отнести профессора Ю.Ю. Комлева (Казань) и семью (папа, мама, дочь) Грошевых (Тюмень).

Пожалуй, значительно больше работ по *психологии* девиантного поведения. А вот *социология* девиантности, изучение девиантных проявлений как социальных феноменов — в загоне. Это, в принципе, понятно. Можно публично копать в мозгах девиантов, а изучать и обсуждать условия, причины, масштабы преступности, самоубийств, проституции, наркопотребления — не комильфо...

БД: *Интервью с Т.И. Заславской озаглавлено: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука». А вот очень важный сюжет из нашей беседы: «Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство». Приведу фрагмент ее ответа: «Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне, и хотя он лет в 13 или 14 переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но ведь он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 г. мои родители впервые не смогли вывезти нас с сестрой в какие-то новые места, чтобы расширить наш горизонт, как обычно они это делали летом. Вместо этого нас отправили в деревню к папиной двоюродной сестре Нюше. <...> Мы учили деревенские песни и частушки и в целом были совершенно счастливы. <...> Вообще, мы стали там в доску своими. Это был, я думаю, важный момент в моей жизни, я почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила. Мы долго там жили, все лето. Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда». Мог бы ты сейчас увидеть в твоём движении по жизни проявление достаточно долгой и весьма интересной истории твоей родительской семьи?*

ЯГ: Стыдно признаться, но я плохо знаю свою генеалогию. Как-то в годы войны и послевоенного тоталитаризма было не до этого... (Тем более мой дальний родственник со стороны отца был расстрелян в 1938 г. — естественно, за «измену родине»). Может быть, самым значимым для меня оказалась... семейная библиотека. Вся классика (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, Куприн...) и философия

(от древнегреческих философов до Гегеля). Ну, классика — понятно: старинная петербургская семья (по непроверенным данным, мой прадед — старший егерь Его Императорского Величества). Как оказались философские труды — не очень понятно: отец, мать, тетка, бабушка — медики. Отец до войны — кандидат медицинских наук (диссертация «по мозгам»), после войны — доктор медицинских наук (диссертация «по желудку»), так наглядно менялись социальные ориентиры...

Я не очень рассуждал на эту тему. До школы (да, да!) прочитал почти всю классику, в школьные годы — попадавшуюся художественную литературу и философию. В 10-м классе — и Ф. Ницше («Так говорил Заратустра!»), и учебник «Уголовное право». Выбирал между философским факультетом и юридическим. Но 1952 г. — философия... Пришлось остановиться на юриспруденции. Не жалею до сих пор. Из юриспруденции — конечно, уголовщина! И юрфак ЛГУ заканчивал по уголовной специализации. Но философия прочно засела в голове. Наряду с чисто криминологическими работами у меня были и «Онтологический трагизм бытия» (1995), и «Тема смерти — тема жизни: философия социологии» (1995), часто участвовал в дискуссиях на философском факультете ЛГУ.

Подозреваю, что и моя девиантология — следствие постоянных «философических» попыток осмыслить что-либо с более высоких, более общих позиций. Да, занимаюсь изучением преступности, почему-то исследовал и самоубийства. Но что это такое в общем социальном бытии? Ну, девиантология многое объяснила.

Раз уж ты затронул семейные истоки, то и мой идейный космополитизм, возможно, имеет «биологическую» (и, конечно, философскую) основу: мой родной дед — *украинец* (Редько Лев Мефодиевич, я еще застал его), моя родная бабушка по матери — *русская* (Давыдова Лидия Семеновна, всю блокаду вместе), а вот со стороны отца бесспорно *еврейская* кровь и, возможно, — *польская* (все мои польские коллеги — с фамилиями на -ский, в Польше после одной из конференций нас возили в усадьбу... Гилинских).

БД: *Очевидно, весь комплекс юридических наук и вся деятельность правовых и правоохранительных органов не просто зависят от общественно-политической атмосферы, обстановки в стране, но являются ее прямым продолжением, с одной стороны, и ее двигателем — с другой. Ты многие годы преподавал различные дисциплины в разных учебных заведениях. Не мог бы ты — понятно, очень обобщенно — описать динамику установок, интересов, планов поступающих на юридические факультеты? Или, проще, — сравнить студенчество твоего поколения и последующих десятилетий. Безусловно, здесь не обойтись без характеристики профессиональных и гражданских качеств преподавательского корпуса.*

ЯГ: Этот вопрос сложнее, чем ты думаешь. Да, «весь комплекс юридических наук и вся деятельность правовых и правоохранительных органов не просто зависят от общественно-политической атмосферы,

обстановки в стране, но являются ее прямым продолжением». Это вообще-то почти во всех странах так. «Ее двигателем» — спорный вопрос... Поэтому и юридическая практика, и юридические науки твердо следуют за изменениями политики государства... Поэтому расцвет науки — с самого конца 1980-х до начала 2000-х. Конец науки — с середины нулевых. Сегодня говорить серьезно о «науке» не приходится. Это касается не только юридических, но и других социальных наук. То же самое относится к правоприменительной деятельности. О «правосудии» говорим с усмешкой. Уголовно-правовая наука занимается вынужденным толкованием ежедневно растущих «составов преступлений». Криминологическая — повторяет давно известные «истины». Во многих юридических вузах криминология доведена до «третьестепенной науки», обучение которой для студентов почти необязательно *de facto*.

Еще сложнее мне говорить об изменениях студенчества. Здесь все сложнее и неоднозначнее. Ну, в мои годы все было, как скажут партия и правительство и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС. Студенты другого и не предполагали. Учились, чтобы получить профессию и работать по ней. Горбачевская перестройка, конечно, вызвала оживление. Во многих вузах преподаватели стали выдвигать различные позиции, сравнивать труды разных авторов. Появились негосударственные вузы. Так, я много лет был деканом юридического факультета негосударственного Балтийского института экологии, политики и права. И все же основная цель студентов была — получение диплома с целью дальнейшей работы. Пожалуй, наибольший интерес студентов именно к изучаемым дисциплинам — это, как ни странно, 2000-е гг. Очень многое зависело от профессорско-преподавательского состава. Мне, конечно, очень сложно судить даже обо всех петербургских вузах, не говоря уже о российских. И все же кое-какие симптомы повышенного интереса в 2000-е гг. есть. Это хотя бы приглашение юридическими факультетами разных городов преподавателей из других городов для чтения разовых лекций. Так, с 2012 по 2019 г. меня приглашали с лекциями для студентов вузы Великого Новгорода, Волгограда, Ростова-на-Дону, Смоленска, Улан-Удэ. Конечно, это касалось не только меня! С удовольствием приглашали профессора А.Э. Жалинского и других. (Надо ли говорить, что мы всюду ездили с женой Наташей, без нее я бы не поехал. Это все знали и звали нас обоих.)

В целом, насколько я могу судить (возможно, я не прав), в те же 2010-е у студентов начинается некоторый спад интереса к дисциплинам и возвращение к цели «получить диплом». Но отдельные студенты, конечно, и сегодня интересуются именно различными предметами. Так, меня приглашали с лекциями для любопытствующих студентов в петербургский вуз, где я не работаю, в 2022–2023 гг.

Вывод. Конечно, как это ни печально, и наука, и практика, и преподавание, и интересы студентов весьма зависимы от общественно-политической ситуации в стране, от государства и его политики. Впрочем, я много писал об этом в разных статьях и монографиях. В одной из своих

статей я писал (извините за длину, но это важно): «Государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т. п.), в действительности нередко служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, клана... Да, государство обеспечивает в большей или меньшей степени развитие общества, в большей или меньшей степени безопасность населения. Но оно же служит репрессивным орудием в целях подавления действий, а то и мыслей, нежелательных для господствующих властных сил. Неслучайно Томас Гоббс сравнивал государство с Левиафаном — ветхозаветным чудовищным морским змеем, нередко отождествляемым с сатаной. Позднее Левиафана дополнил образ Паноптикума (или Паноптикона) — “идеальной тюрьмы” И. Бентама» [6, с. 107].

БД: *В начале моего историко-социологического поиска я проводил интервью с социологами первых четырех поколений, затем фокус внимания сместился на последующие когорты. При этом, естественно, одна тема выпала из поля обсуждений, назову ее «КПСС и социология». Некоторые аспекты этой тематики были рассмотрены мною в книге «Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории» (2013 г.), и с тех пор я к ней не возвращался. А надо бы. Время высвечивает многогранность и многоцветность роли КПСС в становлении и развитии социологии, замечу лишь тот факт, что все признаваемые сегодня «классикой» социологические проекты в принципе не могли быть проведены без определенной поддержки партийными органами. Как бы ты осветил тему «КПСС и социология»?*

ЯГ: Редкий случай, когда я вряд ли отвечу на твой вопрос. Весь СССР во главе с КПСС для меня — страшный сон, который, к сожалению, был действительностью и который угробил две трети моей жизни. То, что в постсталинское время эта страшная двойня допустила социологию (которая при Сталине была дезавуирована как «буржуазная лженаука», наряду с криминологией, генетикой, кибернетикой... Кстати, я — профессор криминологии, сию науку в ЛГУ не изучал и даже не знал о ее существовании), — ну, некоторое «ослабление», результат «хрущевской оттепели». Но все равно эта зародившаяся социология была политически ограничена во всем... Я проводил исследования самоубийств в 1960–1970-е гг., но публиковать результаты мог только (а) в Эстонии, (б) тиражом 150 экз., (в) с грифом ДСП... В коллективной монографии «Человек как объект социологического исследования» (ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский, ЛГУ, 1977), написанной по результатам наших социологических исследований (!), мы не могли публиковать какие бы то ни было цифры! На ее с. 96, уже после прохождения цензуры, в мини-таблице был вырезан (не опубликован) шестой столбец, в котором было слово «преступлений». В СССР не могло быть преступлений — этих явлений, «чуждых советскому народу»!

Все. Больше об этом ни слова. Аж сердце заболело. (Тем более что воспоминания напоминают и о дне сегодняшнем...)

БД: *В нашем интервью 2005 г. ты писал о своей жене: «А познакомились мы с Наташей в 1964 г. на высоте 3000 м в Горном Алтае... Спустились с гор и — на всю оставшуюся жизнь». Недавно ты простился с Наташей... прими мои соболезнования и, пожалуйста, вспомним ее...*

ЯГ: Боря, я помню Наташу круглосуточно... Я разговариваю с ней, советуюсь с ней, мне кажется, что она где-то рядом, за спиной... Не знаю, нужен ли (интересен ли) читателям нашего интервью мой рассказ о Наташе. Но раз уж ты спросил...

Да, наша встреча была случайной, а стала судьбой. Наташа (Наталья Николаевна Проскурнина) жила в Ленинграде/Санкт-Петербурге на Невском проспекте, д. 3. Центральнее не бывает, с видом на Дворцовую площадь. А я работал на Невском проспекте, д. 16, наискосок от ее дома. А встретились мы на высоте 3000 м в Горном Алтае...

Она — физик-оптик, закончила ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики). Автор десятка научных работ по специальности. А потом... увлеклась криминологией-девиантологией, соавтор наших двух статей по самоубийствам и автор уникальной самостоятельной работы и статьи по исследованию криминальной, суицидальной, алкогольной активности различных социально-демографических групп населения Ленинграда (по результатам трех больших эмпирических исследований). Больше таких работ я не встречал. Она читала все мои работы и иногда советовала: «Здесь логический пропуск», «Это выражение хорошо бы заменить»... Она составитель всех литературных источников (по 800–900!) в моих и наших коллективных монографиях. Она составитель таблицы (6 страниц) по истории криминологии, которую профессор В.В. Лунеев перенес и в свою двухтомную «Криминологию» (конечно, сославшись на источник). И мою последнюю и «главную» монографию «Криминология постмодерна (неокриминология)» (2021) [4] я написал по настоянию Наташи... Я безмерно благодарен Наташе за все.

Но не это, конечно, главное. Мы были с ней одним человеком, двумя половинками. Полное взаимопонимание. Одинаковое представление обо всем происходящем. И — бесконечные совместные поездки по СССР, РФ и всему миру. Мы так любили путешествовать! Мы с ней так благодарны М. Горбачеву за освобождение, за снятие «железного занавеса». Наши поездки были, как правило, на криминологические и социологические конференции, конгрессы, семинары. Но и ради отдыха, конечно (Франция, Италия, Испания, Болгария, Таиланд, ОАЭ...). С 1994 по 2019 г. мы постоянно ездили в наш любимый Париж, символ Свободы! *Liberté!* Наташа очень любила Италию (Рим, Флоренция, Венеция, Милан, Болонья, Пиза, Неаполь, Палермо...).

Коллеги, организаторы конференций всех стран, знали, что мы будем вдвоем! В 2017 г. меня пригласили с докладом на конференцию в Гонконг, где мы до этого не были. Я согласился, написав, что буду с женой. «Мы знаем, — ответили мне, — мы забронировали для вас два билета...»

Наташа была удивительным человеком. Никогда никого не ругала (в отличие от меня), не признавала обсценную лексику (в отличие от меня). Не могла, не умела лгать. Старалась помочь людям и, конечно же, зверям, которых очень любила. У нас дома всегда были кошки, одно время и две собаки. А помогали и бездомным. Радушно принимала у нас дома гостей из всех стран (Великобритании, Японии, Германии, Австралии, Франции, Австрии). Была молчалива, никогда не вмешивалась в разговор. Слушала, слушала и произносила фразу, подводящую итог всей нашей болтовне. Каждую работу (от научной до хозяйственной) делала тщательно, аккуратно, доводя до совершенства. Наташа мужественно, героически, без единой жалобы переносила физические страдания, выпадавшие на ее долю. В 2012 г. у нее был перелом шейки бедра... Операция. После этого многие перестают выходить из дома. Мы уже в 2013 г. были с ней на конференции в Будапеште. И далее всегда и всюду. О страшном конце (рак) промолчу. Наша последняя поездка летом 2022 г. — Финляндия, Болгария...

Если честно, с уходом Наташи закончилась и моя жизнь... Мы прожили вместе 58 лет. И каких лет! Я успел при ее жизни написать книгу о ней: «Мое все» (2023). Я надеялся, что она будет ее дарить друзьям... Не успела...

БД: *Спасибо, Яша, что ты нашел в себе силы и рассказал о Наташе... Вернемся теперь к рассмотрению твоей профессиональной жизни.*

При ответе на первый вопрос ты заметил: «С 2005 г. прошла вечность...» Да, без малого два десятилетия, срок — достаточный для исторического анализа. Воспользуюсь этим и нагружу тебя следующей просьбой. Во время нашей беседы ты неоднократно говорил, что основная твоя профессия — криминология. Что тебя в ней заинтересовало, и что ты считаешь своими достижениями в этой области? Пожалуйста, расскажи о своей концепции криминологии постмодерна — неокриминологии.

ЯГ: Как ты знаешь, я окончил юрфак ЛГУ по уголовно-правовой специальности. Кандидатская диссертация у меня была по уголовному процессу, докторская — по криминологии, будучи адвокатом, я работал защитником по уголовным делам. Вся жизнь связана с «уголовщиной». Почему именно на криминологии я остановился? Это наиболее «философская» отрасль уголовно-правовых знаний...

Занимаясь криминологией, помимо чтения многочисленной отечественной и зарубежной литературы, я, конечно, проводил сравнительный анализ статистики преступности и ее отдельных видов в России/СССР/РФ (в СССР/РФ — с 1961 г.) и в зарубежных странах. Уже одно это позволило мне сделать ряд выводов (общемировые закономерности динамики, «приоритет» США и СССР/РФ по уровню преступности на 100 тыс. жителей и количеству заключенных и др.). Динамика социального состава осужденных (и вышеназванная работа Наташи) позволила сделать категорический вывод, что основная социальная база «уличной» (не экономической) преступности — так называемые «социально ис-

ключенные» («социальная эксклюзия» — термин французских социологов). Это лица, не включенные в активную социальную, экономическую, политическую, культурную жизнь. У нас это прежде всего «лица без постоянного источника доходов» (по терминологии МВД РФ).

Далее, мы в составе сектора девиантности и социального контроля СИ РАН досконально эмпирически изучали ряд преступлений, и прежде всего организованную преступность. Об этом много наших работ на русском, английском и других языках. Много занимались эмпирическими исследованиями проблем наказания.

Наконец, на основе массы научной литературы, массы результатов эмпирических исследований, философско-юридических размышлений родилась моя концепция *криминологии постмодерна* — *неокриминология*. Конечно, я не могу ее обстоятельно объяснять в нашей беседе. Есть моя уже упоминавшаяся монография «Криминология постмодерна (неокриминология)» и десятки статей, глав коллективных монографий. Но кое-что — главное — скажу, поскольку это может заинтересовать наших читателей.

О постмодерне. Мы все живем в обществе постмодерна (а теперь уже пост-постмодерна — *метамодерна*). И его особенности сказываются на всех социальных явлениях, включая преступность, и *понимании* этих явлений. *Глобализация* экономики, финансов, технологий, но и преступности (международная торговля наркотиками, людьми, оружием, терроризм). *Массовая миграция* — и преступность мигрантов и против мигрантов. *Виртуализация* жизни (уход в Интернет) — и виртуализация преступности (киберпреступность) и др. Подробнее — в моей книге «Девиантность в обществе постмодерна» (2017) [1].

Но меняются и взгляды на «преступление и наказание». Коротко:

1. *Нет деяний, преступных по своему содержанию*. Мой первый вопрос студентам на первой лекции: назовите деяние, которое всегда и во всех странах признается «преступлением». Ответ (в 99,9% случаев) — убийство. Хорошо. Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Да, тяжчайшее преступление. Но ведь за умышленное причинение смерти другому человеку... дают медали, ордена. Это — профессиональная оплачиваемая деятельность палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь. Умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека — эвтаназия — это легальная процедура в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и других странах и — тяжкое преступление в России. Преступления, преступность — *социальный конструкт* (это сегодня всеобщее мнение мировой криминологии). Это то, что *здесь и сейчас* законодатель включил в уголовный закон.

2. А каковы же тогда *объективные основания* криминализации тех или иных деяний? Никаковы. Их нет. Единственное основание — как пожелает власть, режим. Конечно, иногда пожелание власти, режима совпадает с мнением большинства населения (убийство, изнасилование, грабеж

и разбой). Но далеко не всегда. Об этом подробно — в книге И. Козаченко и Д. Сергеева «Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного» (Екатеринбург, 2020) [9].

3. И «личности преступника» (о которой столько дискуссий!) никакой нет. Согласно сегодняшнему, перенасыщенному донельзя УК РФ, мы все — «личности преступника», включая меня. Об этом подробно в книге А. Рыбака «Криминология в человеческом измерении. Новая методология» (2020) [10].

4. И наказание не выполняет ни одной своей функции, не достигает ни одной цели. Более того, А.Э. Жалинский в своей блестящей книге «Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ» (2009, с. 56, 68) отмечал: «Наказание — это очевидный расход и неясная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения». Впрочем, еще К. Маркс, критикуя некий памфлет о смертной казни (Соч., т. 8, с. 530), писал: «Со времен Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием. Как раз наоборот!» Неслучайно профессор Х. Йешек (Германия) еще в 1988 г. предложил отменить уголовное законодательство, несовместимое с правами человека и гражданина... («Не дожидетесь!» — отвечают государства профессору Йешеку...).

Ну что, надоел я своей криминологией постмодерна? Все. Больше не буду.

БД: *Наша беседа началась в конце сентября 2023 г., сейчас — середина ноября. Мне представляется, что множество актуальных событий, происходящих в мире, имеют весьма сложную, многомерную предметность, в том числе ярко выраженную криминологическую. Обратили ли внимание отечественные и зарубежные ученые на новые явления в нашей действительности, повседневности, порожденные ходом специальной военной операции (СВО), начатой Россией на Украине в феврале 2022 г.? Уверен, наблюдения и анализ жизни общества, осуществляющего те или иные военные действия на территории других государств, имеют давнюю историю, и потому многое криминологией обобщено и типологизировано. Так, в США существует огромное число различных исследований о влиянии военных операций, которые страна вела во Вьетнаме и Афганистане. Наверное, проводились они и криминологами? Есть ли уже у российских социологов, криминологов опыт изучения социальной реальности, порожденной СВО?*

ЯГ: Проще всего ответить — нет. И социология (я меньше знаю), и криминология (хорошо знаю) в сегодняшней России или молчат, или не в состоянии дать объективную картину. Да, «Левада-Центр» старается быть объективным. Но это сегодня нереально! Проводят опросы населения. Но опрашиваемые или не будут отвечать (как не стал бы я) на вопросы, или будут отвечать «как надо». Никакой реальной картины это не дает. Молчание по поводу СВО понятно. Тема, наглухо закрытая для объективного научного обсуждения. Менее понятна по-

зация по Израилю/ХАМАСу... Правда, здесь действительно есть свои сложности: для меня, например, непонятно, как вообще такое могло произойти 7 октября при постоянной, многолетней практике попыток ХАМАСа прорваться и немедленной реакции израильской армии и полиции на перекрытие границы? «Неладно что-то в этом королевстве».

Мне давно понятна общечеловеческая ситуация: вся человеческая история есть нескончаемая война между «мы» и «они» (наши — не-наши, свои — чужие). Об этом писал еще профессор Б. Поршнев в 1966 г. Это бывает и среди зверей. Но у тех клыки, когти, копыта, рога. А люди старались «совершенствовать» орудия убийств — от камней и дубинок до ядерного оружия массового поражения... Позволю себе отрывок из моего неопубликованного текста последнего времени. «Государства создавались якобы для защиты “своего” населения. А население радовалось силе и мощи “своего” государства... Радовалось... захвату “чужих” территорий и государств. Хотя при этом теряло, не могло не терять тысячи “своих” граждан — мужей, отцов, сыновей... Со временем именно государство становится (а может быть, всегда было?) главной угрозой для людей — как для его жителей, так и для жителей других государств.

Государство vs Человек — вот одно из главнейших противоречий и проблем человечества, общества...

Далее одни вопросы. Зачем сегодня, когда основные государства давно сформировались, властям этих основных государств начинать войны, уничтожая “своих” и “чужих”? <...> Ради чего? Почему? Почему люди, человеки, население земного шара так стремится к самоуничтожению?

Все это выше моего понимания.

Люди! Одумайтесь! Жизнь каждого — единственная. “Жизнь дается всего один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы” (Н. Островский). А тем более — за непрожитые годы.

Я понимаю, что мои, как и любые иные, пацифистские призывы бессмысленны, бесполезны. Но я так и уйду из жизни, не поняв, — почему. О чем думают люди, одобряя или принимая бесчеловечные деяния властей, государств».

БД: *Так или иначе, перед твоими глазами и в твоих ответах отражены девять прожитых десятилетий. Это не просто эпоха, это серия эпох. Множество глобальных событий и событий твоей жизни. Это встречавшиеся на твоём пути люди, прочитанные и написанные тексты. Наверное, многое из задуманного реализовано, но есть и то, что не удалось сделать. Такова жизнь, вся она — перед тобою...*

В октябре 2013 г. В.А. Ядов прислал мне очень личное письмо, в котором подытожил прожитое и сделанное. Ядов понимал: опубликую это письмо, что и было сделано в книге о нем. Приведу одно из ядовских размышлений: «Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно, счастлив с друзьями — единомыш-

ленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами, счастливы с коллегами по работе...»

В начале 2001 г. в одном из интервью давно известной ему журналистке Б.А. Грушин говорил об ощущении невостребованности и ненужности того, что он делал, и заметил, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась».

Каков твой взгляд на прожитое-сделанное, к кому ты ближе — к Грушину или к Ядову?

ЯГ: Сразу скажу, что я ближе к Б.А. Грушину... А теперь несколько подробнее. Во-первых, по моему мнению, *любая* жизнь страшновата... (Потери близких, неудачи, собственные болезни, собственные глупости, за которые бессмысленно позднее раскаиваться...) Кстати, поэтому я сторонник идеологии *childfree* — незачем детям рожать на их и собственные муки... (Правда, по глупости и наивности не выдержал этого принципа, женившись первый раз в 10-м классе...) Во-вторых, дожив до старости, многократно утверждаю: самое страшное в (страшной) жизни — старость. Объяснять не буду. Молодые не поймут, старые сами знают. В-третьих, в страшном, фашистском (в полном соответствии с 14 критериями фашизма) СССР погублено две трети жизни: за «железным занавесом», без свободы, да и без приличной пищи и одежды... Соответственно, многое не понято, не сделано за мои первые — и очень важные! — 55 лет жизни. Прямо скажем — эти годы угроблены... В-четвертых, сегодняшняя ситуация в РФ (без подробностей)...

Но я не просто пессимист. Я реалист (что сегодня страшнее пессимизма). Поэтому я адекватно оцениваю и радости моей жизни. Прежде всего — счастье быть 58 лет с Наташей. Она — удивительный, необыкновенно прекрасный человек, намного лучше меня, что я выше и пытался показать. Это — счастье № 1 моей жизни. Счастье № 2 — поездки одному и в основном с Наташей по всему миру (еще раз спасибо М. Горбачеву за Свободу и ликвидацию «железного занавеса»). Мы были с Наташей во *всех* странах Европы, кроме Исландии (собирались в 2020 г. и — COVID). Мы были в Японии, Гонконге, Таиланде, а также в ОАЭ и Израиле. Мне, кроме того, удалось побывать в США, Чили, Бразилии, Австралии, Новой Зеландии. И мы не только гуляли, ходили по музеям, плавали в морях-океанах-реках-бассейнах, но и участвовали в работе международных конгрессов, конференций, семинаров, «летних школ» (в Германии). Дружба с зарубежными коллегами, масса иностранной литературы... Конечно, хорошие дети, внуки (от моих первых «ошибок»). Дружба с некоторыми отечественными коллегами.

И два слова о научных «успехах». Позавчера мне доставили из типографии мою «юбилейную» книгу — 700-ю научную публикацию «Криминология и девиантология постмодерна» (2024) [3]. Она посвящена светлой памяти Наташи... По существу, у меня два «достижения». Я, во-первых, впервые в СССР начал изучать девиантность и писать о ней. Первые две статьи — 1971 г., последнее издание моей «Девиантологии» — в 2021 г. [2]. Во-вторых, я первый стал подробно

писать о криминологии *постмодерна*. Моя монография «Криминология постмодерна (неокриминология)» 2021 г. [4] и много статей и глав коллективных монографий. Это, конечно, не мое открытие и изобретение, я только обобщил мировой и отечественный опыт. Большинство российских криминологов категорически это не воспринимают... Только некоторая молодежь и ранее — профессор А.Э. Жалинский.

НО! Все, что мы делаем, не имеет никакого смысла!

Вот на этом единственно верном мнении и заканчиваем. Спасибо, Боря, тебе!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. **Телефон:** +7 (931) 229-34-70. **Электронная почта:** yakov.gilinsky@gmail.com

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Research Article

YAKOV I. GILINSKY¹, BORIS B. DOKTOROV²

¹ St Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office. 44, Liteiny av., 191014, Saint Petersburg, Russian Federation.

² Independent researcher. Foster City, California, USA.

NEARING HIS 90TH ANNIVERSARY. NOT SO CHEERFUL MEMORIES.

YAKOV GILINSKY ANSWERS BORIS DOKTOROV'S QUESTIONS

Abstract. Strictly speaking this is an anniversary interview with Yakov I. Gilinsky, a renowned Russian sociologist and criminologist who dedicated many years of his life to researching various forms of deviant behavior. But in reality this is me having a discussion with a colleague and a friend who is approaching an important milestone in his life — his 90th birthday. With this being far from our first discussion about his life experience and accomplishments, as ten years ago he spoke about himself in a book titled “Me in the World, the World in me”, and bearing in mind that there are multiple videos on YouTube where he was interviewed, I thought it would be appropriate to avoid going over every stage of Mr. Gilinsky's life and instead suggested we talk about events that transpired within the previous 20 years, leaving the more distant past in the background. Thanks to this key component of the conversation readers can get some insight into the trials and tribulations that his ancestors went through, into his path towards becoming a scientist and his accomplishments in the field, as well as into the happy and most productive years of his life during the perestroika. Readers learn about Mr. Gilinsky's frequent communication with the world's most renowned criminologists, his participation in major scientific conferences, his business trips and travels with his wife — who was always by his side — when they visited many countries in Europe and located on other continents. But aside from that we discuss the dynamics of important global and national macro-political processes, negative tendencies in the development of social sciences in Russia, overwhelming hardship in his own personal life, all of which made our conversation not all that cheerful. That being said, overall Yakov Gilinsky made it in life, his achievements will be relevant for many years to come.

Keywords: sociology; criminology; deviantology; deviant behavior; crime; postmodern criminology.

For citation: Gilinsky, Ya.I., Doktorov, B.Z. Nearing his 90th Anniversary. Not so Cheerful Memories. Yakov Gilinsky Answers Boris Doktorov's Questions. Interview prepared by B.Z. Doktorov. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 163–182. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yakov I. Gilinsky. — Doctor of Juridical Sciences, Professor, Saint Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office.
Phone: +7 (931) 229-34-70. **Email:** yakov.gilinsky@gmail.com

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Гилинский Я.И.* Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. — 222 с.
Gilinsky Ya.I. *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. [Deviance in postmodern society.] St Petersburg: Aleteya publ., 2017. 222 p. (In Russ.)
2. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 4-е изд. СПб.: Алетейя, 2021. — 602 с.
Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"*. [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations".] 4th ed. St Petersburg: Aleteya publ., 2021. 602 p. (In Russ.)
3. *Гилинский Я.И.* Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. — 242 с.
Gilinsky Ya.I. *Kriminologiya i deviantologiya postmoderna*. [Criminology and postmodern deviantology.] St Petersburg: Aleteya publ., 2024. 242 p. (In Russ.)
4. *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. — 136 с. DOI: 10.23681/619692 EDN: JDGQKV
Gilinsky Ya.I. *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)*. [Postmodern criminology (neocriminology).] St Petersburg: Aleteya publ., 2021. 136 p. DOI: 10.23681/619692 (In Russ.)
5. *Гилинский Я.И.* Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород: Комитет против пыток, 2007. — 240 с.
Gilinsky Ya.I. *Sotsiologiya nasiliya. Proizvol pravookhranitel'nykh organov glazami grazhdan*. [Sociology of violence. Arbitrariness of law enforcement agencies through the eyes of citizens.] Nizhnii Novgorod: Komitet protiv pytok publ., 2007. 240 p. (In Russ.)
6. *Гилинский Я.И.* Уголовная политика и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции / Северо-Западный

филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Петрополис, 2019. С. 105–111. EDN: ZCNUFV

Gilinsky Ya.I. The Criminal Policy of the State and a Man. *Ugolovnaya politika i pravoprimitel'naya praktika. Sbornik statei po materialam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Criminal policy and law enforcement practice. Collection of articles based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference.] St Petersburg: Petropolis publ., 2019. P. 105–111. (In Russ.)

7. *Гилинский Я.И.* Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. — 293 с.
Gilinsky Ya.I. *Ya v Mire, Mir vo mne. Neokonchennyye memuary*. [I am in the World, the World is in me. Unfinished memoirs.] 2nd ed. St Petersburg: Izd. Dom “Alef-Press” publ., 2014. 293 p. (In Russ.)
8. *Докторов Б.* Биографии для истории //: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2007. № 1. С. 10–22. EDN: KYSYCB
Doctorov B. Biographies for history. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2007. No. 1. P. 10–22. (In Russ.)
9. *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. — 256 с.
Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. *Novaya kriminalizatsiya. Filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo*. [New criminalization. Philosophical and legal guide to the world of criminal and non-criminal.] Ekaterinburg: SAPIENTIA publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
10. *Рыбак А.* Криминология в человеческом измерении: Новая методология. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020. — 296 с.
Rybak A. *Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii: Novaya metodologiya*. [Criminology in the human dimension: New methodology.] Moscow: Izd. Dom “Yurlitinform”, 2020. 296 p. (In Russ.)
11. Творчество как позитивная девиантность / Под общ. ред. Я.И. Гилинского и Н.А. Исаева. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 279 с.
Tvorchestvo kak pozitivnaya deviantnost'. [Creativity as a positive deviance.] Ed. by Ya.I. Gilinsky and N.A. Isaev. St Petersburg: Izd. Dom “Alef-Press” publ., 2015. 279 p. (In Russ.)
12. Я.И. Гилинский: «...Я начинал как чистый “уголовник”» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 3–12.
Ya.I. Gilinsky: “...I started out as a pure “criminal””. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2005. No. 2. P. 3–12. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.04.2024; поступила после рецензирования и доработки: 14.05.2024; принята к публикации: 30.05.2024.

Received: 06.04.2024; revised after review: 14.05.2024; accepted for publication: 30.05.2024.